

"О, мама, ты же знаешь, я никогда не позволю тебе пройти через это одной", - сказал он. Затем он поднял ее обнаженное тело на свои сильные руки, заставив ее визжать как девчонка, когда она обхватила его ногами за талию и продолжала покрывать поцелуями все его лицо. Она едва замечала, что он держит ее за щеки и что ее раскрытая киска находится в нескольких сантиметрах от кончиков его пальцев, а передняя часть ее бугра упирается в его тело.

"Ты пришел домой ради меня!" - кричала она. "Ты был мне нужен, и ты пришел".

"Конечно. Где бы я еще был?"

Эшли зарылась лицом в шею Филиппа и прижалась к нему крепче, чем когда-либо. Ни тот, ни другой не считали ничего плохого в том, что она была обнажена, когда прижималась к нему. Он уже много раз видел свою мать обнаженной. Она всегда была свободомыслящей, когда дело касалось человеческого тела и сексуальных потребностей, и она не хотела, чтобы ее мальчик считал, что в этом есть что-то плохое. Она не афишировала то, что делала с отцом Филиппа или другими своими мужьями, но и не скрывала этого. Филипп знал, что его мать была авантюрной женщиной. И все же, сколько раз она обнажалась перед ним, она никогда не обнимала его обнаженным.

Если Филиппа и смущало то, что мать прижималась к нему обнаженной, то он этого не показывал. Он просто прижимался к матери, как будто в его жизни не было другой цели, кроме как утешать обнаженную красавицу, которая родила его. Впервые после трагического нападения Джеральда она почувствовала, что все будет хорошо. И все же ничто не могло подготовить ее к теплоте, приятному ощущению, когда ее обнаженная киска прижалась к большому, твердому телу сына. Возможно, это было только потому, что она была на грани столь необходимой кульминации, когда он вошел и прервал ее.

Но в данный момент, когда ее перегретая киска прижималась к великолепному молодому телу Филиппа, Эшли не чувствовала, что ее прервали. Ее тело брало верх, требуя самой простой и самой эффективной разрядки в трудную минуту. В качестве защитного механизма, ее разум заблокировал все, кроме теплого сияния любви, исходящего от ее преданного сына, а также пульсирующих волн удовольствия, сосредоточенных в ее киске.

Эшли не могла вспомнить, когда в последний раз ее большие, дорогие сиськи прижимались к такому твердому и рельефному телу, как у Филиппа. Ощущение было восхитительным. Оно стало огромным подтверждением жизни после смертельного шока. Она полностью отдалась ощущениям в своем роскошном теле и начала тереться своей голой, влажной киской о тело Филиппа, скуля, как котенок, на его шее.

Теперь уже нельзя было игнорировать тот факт, что Эшли терлась своей киской о сына в неоспоримом стремлении к удовольствию.

"Малыш, малыш, о боже, мне так жаль", - стыдливо скулила блондинка. Но она не остановилась. Она просто продолжала тереть свой набухший клитор о твердое тело под тонкой футболкой Филиппа.

"Все в порядке, мама", - сказал он ей успокаивающим голосом. "Просто отпусти это. Я здесь, рядом с тобой".

Большие руки Филиппа продолжали сильно, но осторожно разминать щеки матери. Его

интимные прикосновения заставляли ее тело вибрировать от желания. Эшли знала, что сын может посмотреть на нее в шоке или ужасе, когда она кончит, но ее тело сейчас полностью контролировало ее, ведя ее по темному пути, который она никогда не представляла. Долгие мгновения она прижималась к идеальному телу своего идеального сына, ее собственное тело становилось все горячее и ближе к пику.

"Малыш, прости меня. Мамочка сейчас кончит. Мне это так нужно", - отчаянно хныкала она.

"Вот так, мама. Не сопротивляйся. Тебе это нужно, и я люблю тебя. Кончи для своего большого мальчика", - сказал он, одновременно разминая руками и следя за извилинами ее тугой попки.

"О, о, о, о, о!" - закричала она, когда самый постыдный и в то же время восхитительный оргазм потряс ее роскошное тело. Она прижалась к Филиппу крепче, чем когда-либо, когда дрожь экстаза прокатилась по ее плоти, заставляя ее голову кружиться в вихре радости и смущения. Но, несмотря на все это, Филипп обнимал и прижимал ее к себе самым успокаивающим образом. Какими бы эротичными ни были его прикосновения к ее обнаженному телу, они больше походили на успокаивающую ласку, чем на что-либо другое.

Эшли долго прижималась к сыну, прежде чем ослабить хватку и спустить ноги на пол.

"О, Филипп, прости меня. Я не знаю, что на меня нашло. Ты едва вошел в дверь, а я...", - она не смогла закончить свое заявление, потому что понятия не имела, что именно она только что сделала. Все, что она знала, это то, что она чувствовала себя в тысячу раз лучше.

"Мама, все в порядке. Это просто реакция на стресс", - рассуждал он.

Эшли едва могла смотреть сыну в глаза, поэтому она смотрела на огромную выпуклость спереди его брюк. Это был шок - думать, что его так возбудило ее иррациональное поведение, но, тем не менее, это заставило ее улыбнуться. Она знала, что у нее есть все, что нужно, чтобы возбудить молодого красавца его возраста, но визуальное доказательство было захватывающим. Тот факт, что это был ее сын, только усиливал ощущение чего-то особенного. И в тех сумасшедших обстоятельствах, если бы это был кто-то другой, это не казалось бы правильным.

"О, ты весь мокрый", - заметила она, еще больше усугубляя свой внешний стыд.

Филипп только рассмеялся. "Все не так плохо, мама. Моя одежда высохнет через несколько минут. Может, тебе стоит одеться, чтобы мы могли поговорить обо всем, что происходит, и сделать те телефонные звонки, которые тебе нужно сделать. Если ты не наденешь что-нибудь, я не смогу смотреть тебе в глаза".

Эшли хихикнула, чувствуя себя счастливой, и, покрутившись, вернулась в ванную, чтобы высушить волосы. Когда она вернулась в спальню, Филиппа уже не было. Она натянула штаны для йоги и обрезанную футболку и спустилась вниз, чтобы застать его сидящим на диване в гостиной. Как только она вошла, он встал, чтобы еще раз крепко обнять ее.

"О, милый, ты, наверное, думаешь, что я ужасна", - плакала она, прижимаясь к его рубашке.

"Нет, мама. Никогда. Я просто думаю, что ты пережила шок. Давай просто сядем, сделаем несколько глубоких вдохов и переживем остаток дня".

Присутствие Филиппа сделало все терпимым. Он просидел с ней следующие три часа, пока она делала все необходимые телефонные звонки, включая несколько дополнительных, на которые

она не рассчитывала, а также входящие звонки от некоторых друзей и коллег Джеральда.

Следующие несколько дней прошли в том же духе, и Филипп был рядом с матерью на каждом шагу. Все это было таким шоком, но то, как все закончилось с Джеральдом, оставило Эшли тайну, которой она не собиралась делиться. Если уж на то пошло, был еще один секрет, но Филипп знал все о втором. В конце концов, он был рядом, когда его мать выскочила из душа и довела себя до оргазма, прижавшись к его телу.

У Эшли остались только самые лучшие воспоминания о том, как она кончала на единственного мужчину, который когда-либо любил ее так же сильно, как ее первый муж. Это дало ей восхитительное спасение во время стресса. В дни, предшествовавшие похоронам, она часто думала о том, чтобы рассказать Филиппу, что на самом деле произошло накануне вечером и утром после смерти Джеральда, но держала это при себе.

Импульсивное выступление Эшли с Филиппом не повторилось, но оно не выходило у нее из головы. Она испытала незабываемую кульминацию. В сочетании с облегчением от того, что он был рядом с ней в один из худших периодов ее жизни, она почувствовала к нему большую привязанность, чем когда-либо. А после того, как она увидела, какого размера выпуклость в его брюках в тот день, когда он приехал, она не могла долго думать о его члене.

Поскольку Эшли и Филипп были единственными, кто был вместе в большом доме Джеральда, она отказалась от любых уступок скромности. Она принимала ванну и ублажала себя при открытой двери, втайне надеясь, что Филипп ворвется и потребует ее. От этой фантазии у нее была мокрая киска, которую ей каждый раз приходилось удовлетворять пальцами. Она также проводила часы напролет, одетая только в откровенное нижнее белье, возбуждаясь от желания почувствовать взгляд большого мальчика на своем сочном теле MILF. Это больше напоминало счастливые, эротически беззаботные дни ее первого брака с отцом Филиппа.

Наконец настал день похорон, и Эшли удивилась, что на них было так мало народу. Дарлин пошла, но не ее мать, первая жена Джеральда. Лишь несколько его нынешних деловых партнеров вежливо приехали. Эшли поняла, что она не единственная, кого ее покойный муж сумел оттолкнуть от себя. И все же она хранила свою тайну, опасаясь, что если кто-нибудь узнает, что Джеральд выгнал ее, то кто-нибудь может прийти и оспорить его завещание. Она ничего не знала о его завещании, кроме его обещания оставить ей дом, когда и если этот день настанет.

Как ни странно, Эшли оказалась в дружеских отношениях с Дарлин. Дочь Джеральда, казалось, знала, через что пришлось пройти блондинке, будучи замужем за своим жестким, как доска, отцом. Все деловые партнеры подлизывались к ним обеим, никто из них не был уверен, кто из женщин унаследует долю Джеральда в их деловых предприятиях. Обе женщины просто смеялись над этим, когда им удавалось побыть наедине. Они даже быстро договорились не спорить о том, какие решения Джеральд примет в своем завещании. Они обе и так были в достатке, но согласились бороться вместе, если Джеральд окажется полностью лишенным их обеих.

Эшли чувствовала себя немного лучше, как будто у нее появился новый друг, но она все еще держала в себе неприятные воспоминания об их последней ссоре. Единственный раз блондинка почувствовала, что расстраивается из-за грудастой брюнетки-дочери Джеральда, когда заметила, как та неуместно заигрывает с Филиппом. Эшли ревновала и даже не пыталась отрицать это. Это были похороны ее отца, черт возьми. А Филипп был практически ее сводным братом. Как она может быть более неуместной?

Вскоре Эшли сказала сыну, что хочет поехать домой, и они сели в лимузин и позволили водителю увезти себя. Когда они вернулись домой, Эшли достала бутылку вина и налила каждому по бокалу. Они сели на диван, чтобы выпить и поговорить о прошедшем дне. Филипп выглядел особенно красивым в своем черном костюме, и его матери пришлось бороться с теплыми мурашками, затрепетавшими в ее киске. Она скрестила ноги и сжала бедра, от чего стало только хуже. А потом она не могла игнорировать то, как ее сын смотрел на нее.

<http://erolate.com/book/2979/70615>